

Сов. артист, 1986, 17 янв. № 2

Артист, педагог, критик

К 80-летию со дня рождения М. М. Габовича

На снимке: Г. Уланова — Джульетта, М. Габович — Ромео (балет «Ромео и Джульетта» в постановке Л. Лавровского).

Непросто складывался дуэт больших мастеров, зрелых, самостоятельных, бескомпромиссных в творчестве. Но воля, терпение, великий труд и подлинное духовное единение привели к триумфальной победе. Лучшие свои роли Габович создал именно в послевоенные годы в дуэте с Улановой. Это были их незабываемые «Ромео и Джульетта», «Жизель» и «Бахчисарайский фонтан».

Мужественная простота и благородство отличали героев Габовича. Духовная значительность, романтическая поэтичность, утонченный психологизм делали их достойными героинь великой балерины. В каждой партии был эпизод, в котором концентрировалась самая суть образа, символ сценической жизни героя. Неповторимы яростный взлет красавца Вацлава, обрывающийся на клинке Гирея, скробный путь Альберта на могилу подруги и черный плащ, тянущийся за ним зияющим провалом души; Ромео, исполненный пронзительной чистоты и молитвенного благоговения в сцене обручения...

Творческий подъем М. М. Габовича в годы, обычно закаты для балетного танцовщика, заставили воспринять полученную им травму и последующий уход из театра как величайшую несправедливость, как огромную потерю для балетного искусства. Но Габович не был бы Габовичем, если бы сломился под ударом судьбы.

Он пришел преподавать в Московское хореографическое училище, чтобы передать свои широчайшие познания, громадный сценический опыт и мастерство молодым. На его уроках классического танца царил атмосфера раскованности и творческого азарта. Эффектный, значительный, удивительно красивый, пластичный во всех показах движений, Габович был кумиром для своих учеников. Прививая им благородство манеры, любовь к тщательной отделке партий, развивая вкус и чувство стиля, он был внимателен к индивидуальности каждого ученика, умел высмотреть и выявить в неоперившихся юнцах самобытность, непохожесть, талант. Среди учеников М. М. Габовича — Владимир Васильев, Юрий Папко, Александр Хмельницкий. Он помогал определиться начинающим тогда балетмейстерам Н. Касаткиной и В. Василеву. Уроки Габовича в Балетном училище Берлина были тщательно записаны и теперь служат образцом методики преподавания классического танца.

М. М. Габович жил в сложное, интересное время, полное борьбы и страстей. Смыслом и сутью его существования был балет. Потому и имя М. М. Габовича, замечательного артиста, педагога, критика и человека, навсегда вписалось в историю советского балетного театра.

Т. КУЗНЕЦОВА.

лезное общественное начинание, он оставался вернейшим хранителем традиций в собственном исполнительском искусстве, эталонном премьеры, образцом элегантности и гармонического равновесия. Поклонник внешне импровизационной, свободной манеры танца, сам он был необычайно кропотлив в отделке ролей и не любил никаких неожиданностей и «сюрпризов» на сцене. Аналитик по складу ума, дотошностью своих «почему» изводивший партнеров, репетиторов, он обожал людей эмоциональных. И больше всего ценил культуру: в сценическом поведении, в жизненных взаимоотношениях — во всем.

Парадоксами полна и творческая судьба танцовщика. В 30-е годы балеты-пьесы занимают все больше места на афише Большого театра. М. Габович, ведущий солист, участник почти всех новых постановок театра, находясь в расцвете сил, испытывает неутолимый голод по танцу. Пожалуй, наиболее характерной для этого периода творчества артиста стала роль Владимира в балете Б. Асафьева—Р. Захарова «Кавказский пленник». Эта партия, принесшая триумф Габовичу-актеру, была продумана и прочувствована им до мельчайших деталей. Соединение лирики и трагизма, пылкой влюбленности и гневного протеста, необычайная убедительность сценической жизни героя поднимали образ, созданный Габовичем, до высот литературного первоисточника.

30-е годы стали годами рождения Габовича-критика. Его статьям были свойственны высокая принципиальность и требовательность к практике современного театра, глубокая эрудиция, четкость позиции, композиционная завершенность, краткость и точность формулировок и выводов. И при этом—пределающая деликатность. В глубоком осознании современных ему процессов развития балетного театра состояло основное направление деятельности Габовича — критика. Он — уникальная фигура своего времени еще и потому, что в своих печатных работах и многочисленных устных выступлениях был свободен от каких-либо искусственно созданных рамок и схем. Достаточно напомнить, что в яростном споре между сторонниками и противниками «драмбалета» он не примкнул ни к одной из сторон. Свое кредо Габович высказал со всей определенностью: «Я не хочу, чтобы брали мерлом для оценки явлений искусства догму и каноны верности одному жанру. Я за меру, но против мерки в явлениях искусства».

Росло признание Габовича-танцовщика, росла популярность критика, велик был его авторитет как общественного деятеля. Неудивительно, что именно ему, человеку высокой идейности, поручили возглавить Филиал Большого театра в грозные дни осени 1941 года, когда враг стоял на подступах к столице.

«В эти трудные дни мы буквально открыли в Габовиче незаменимого фронтového директора, — вспоминал С. Я. Лемешев, — ...он, как оказалось, обладал врожденным даром организатора и руководителя, был деликатен, дружелюбен, но непримирим в принципиальных вопросах. А ведь на его плечи легло все — и репертуар, и обеспечение высокого художественного уровня спектаклей, и квартиры, и пайки, и питание, и дрва...». Открытие Филиала состоялось 19 ноября 1941 года, когда фронт находился всего в 30 км от Москвы. Ценой невероятных усилий труппы и ее вдохновенного руководителя репертуар театра был восстановлен и даже обновлен. Ни непрерывные бомбежки, ни холод, ни голод не могли отнять у зрителей и артистов радость приобщения к Искусству, радость от встречи друг с другом. Для зрителей Большой был символом Родины, живущей и побеждающей.

В конце войны в творчестве Габовича произошло этапное событие: он стал партнером Г. С. Улановой.

Невозможно представить его восьмидесятилетним—этого стройного красавца с умными, слегка прищуренными глазами. И тем не менее именно столько исполнилось бы в конце 1985 года Михаилу Марковичу Габовичу.

Признанный балетный премьер и серьезный теоретик искусства танца, автор нескольких балетных сценариев и прекрасный организатор, выдающийся педагог, всю жизнь учившийся сам, М. М. Габович был Личностью. И человеком одержимым.

М. Габович пришел в балет поздно: когда стройный подросток увлеченно исполнял перед изумленными педагогами Московского хореографического училища знаменитый номер М. Мордкина «Итальянский нищий», ему исполнилось уже пятнадцать. А. А. Горский, возглавлявший приемную комиссию, был покорен убежденностью юноши в праве на собственную трактовку номера и — шире — на собственное творчество, той верой в единственность и верность избранного пути, которая сквозила во всем облике юного исполнителя. Горский, принадлежащий к той же породе мечтателей и одержимых, взял способного юношу в свой класс.

Педагог и ученик совершили чудо — уже через три года М. Габович сделался артистом Большого театра.

Прекрасные внешние данные: точное лицо, высокий рост, изумительные пропорции тела, послушные «легкие» ноги в сочетании с музыкальностью, отличной памью и особой органикой движений позволили ему вскоре занять ведущее положение в труппе. Сам облик артиста, благородство манер, уверенная властность сценического поведения «обрекали» его на амплуа «балетных принцев». Личность незаурядная, волевая, инициативная, в каждой классической партии Габович выделял черты, присущие именно этому сценическому персонажу. Его романтик Зигфрид и артистократ Дезире, страстный воин Солор в «Баядерке» и закovaný в броню рыцарских доблестей Жан де Бриен в «Раймонде», Океан в «Коньке-Горбунке» и рафинированный принц Зефир из «Щелкунчика» были не похожи друг на друга. Но амплуа есть амплуа, а вечная неуспокоенность деятельной природы художника, стремление во всем «дойти до самой сути» влекли его вперед к неведомым, не открытым еще путям балетного искусства. Неудивительно, что именно Габович стал одним из самых горячих приверженцев К. Я. Голейзовского, утверждавшего новые принципы на академической сцене.

М. Габович был полон парадоксов — не декларативных, широко-вещательных, а возникающих как бы изнутри, из самой творческой и человеческой природы артиста. Страстный поборник нового в любых его талантливых проявлениях — будь то современная постановка или новоизобретенное движение, острая смелая мысль или по-

На снимке: М. Габович — граф Альберт («Жизель»).